

Берсенева Татьяна Павловна

ФЕНОМЕН СИNERГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье предложено определение синергии как совместного действия, взаимодействия различных потенциалов или энергий, имеющего общую направленность к идеалу, с одновременным достижением синергического эффекта. Так как в русской культуре процесс распространения синергических идеалов не отличался стабильностью и постоянством, то выделены три периода наиболее яркого проявления синергии. Высказана мысль, что один из таких периодов приходился на XIX век русской культуры. В творчестве Ф. М. Достоевского синергические идеалы нашли наиболее полное выражение.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/5.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40): в 2-х ч. Ч. I. С. 28-31. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 130.2

Философские науки

В статье предложено определение синергии как совместного действия, взаимодействия различных потенциалов или энергий, имеющего общую направленность к идеалу, с одновременным достижением синергического эффекта. Так как в русской культуре процесс распространения синергических идеалов не отличался стабильностью и постоянством, то выделены три периода наиболее яркого проявления синергии. Высказана мысль, что один из таких периодов приходился на XIX век русской культуры. В творчестве Ф. М. Достоевского синергические идеалы нашли наиболее полное выражение.

Ключевые слова и фразы: синергия; исихазм; русская культура; синергическое взаимодействие; синергический эффект; Ф. М. Достоевский.

Берсенева Татьяна Павловна, к. филос. н.

*Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, г. Омск
taniabers@list.ru*

ФЕНОМЕН СИНЕРГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО[©]

Синергия – основная категория в мистико-аскетической традиции исихазма, пришедшего на Русь вслед за православием из Византии. Как считают современные исследователи, исихастский тип христианской аскезы обрел на Руси вторую родину. И если православие традиционно признается ядром русского национального бытия и русской культуры, то «исихастский подвиг, – умное делание”... ядром ядра» [7]. Исихастские представления о назначении человека, о нравственных устоях и ценностях глубоко вошли в русское сознание, образовали там «стержень русского религиозного мирозерцания» [Там же]. Исходя из этого, позволим себе предположить, что принципы исихазма, ставшие «ядерными» идеалами, распространились на всю культуру в целом.

Синергию аскеты-подвижники связывали с достижением состояния «обожения», когда после долгой и трудной борьбы с самим собой и обстоятельствами человек соединялся своими энергиями с нетварными Божественными энергиями и становился «Богом по благодати». Путь к «обожению» исихасты называли лестницей – «лествицей», представлявшей собой определенную ценностную иерархию, когда в результате победы в «невидимой брани» человек достигал высших горних идеалов. Поэтому сегодня, во времена девальвации традиционных ценностей, такой взгляд на предназначение человека, на смысл его жизни, актуален как никогда. Введение же концепта синергии предоставило большие эвристические и эпистемологические возможности в исследовании русской культуры.

В своих работах, рассмотрев возникновение и развитие категории синергии в теологии, проследив связь синергии с синергетикой, представив ее как вид диалектического противоречия, акцент в котором смещен с момента борьбы на момент единства, кооперации и сотрудничества, мы предложили следующее определение синергии. Синергия – совместное действие, взаимодействие различных потенциалов или энергий, имеющее общую направленность к идеалу, с одновременным достижением синергического эффекта [3, с. 123].

Большинство ученых придерживается точки зрения, что русская культура имеет дискретный, прерывистый характер развития. Исходя из этого, распространение синергических идеалов также не было стабильным и постоянным. Условно в развитии русской культуры нами было выделено три этапа, когда наиболее ярко проявились исихастско-синергические черты [1]. Один из таких этапов приходился на XIV-XV вв. русской культуры, и он рассмотрен нами в статье «Синергия в древнерусской иконописи» [2]. Второй этап, или пик, синергического развития русской культуры, на наш взгляд, приходился на период конца XVIII – XIX века, а творчество Ф. М. Достоевского было примером наиболее полного воплощения синергических идеалов. Исходя из этого, задачей данной статьи стало обнаружение и рассмотрение в произведениях Достоевского моментов, характерных для синергического развития.

Как известно, влияние исихазма в XIX веке простиралось главным образом на народный пласт русской культуры, который выделился в отдельную культурную форму вследствие петровских преобразований. Главным содержанием петровских реформ была секуляризация культуры, в результате которой единая древнерусская культура разделилась на две: светскую, связанную с секулярным Западным влиянием, и народно-религиозную, ориентированную на Восток. Постепенно общее настроение в высших дворянских и литературных кругах XIX века стало отличаться насмешливым, ироничным отношением к религии и ее служителям. Несмотря на это, необходимо признать, что религиозность не исчезла из русской культуры, да и не могла исчезнуть, так как православие было ее ядром. Поэтому борьба светских и религиозных идеалов в русской культуре, яростная и бескомпромиссная вначале, сменилась их взаимодействием, взаимопроникновением, что проявилось, прежде всего, в обращении светских авторов к религиозным темам, идеям и образам. Можно привести большой список русских писателей, музыкантов, живописцев, в творчестве которых присутствует религиозно-православная тематика и происходит взаимодействие религиозных и светских идеалов. Но наша задача – обнаружить признаки синергического развития, характеризующегося в первую

очередь синергичным взаимодействием, т.е. диалогическим взаимодействием противоположных сторон, одна из которых связана с исихастско-синергичными идеалами.

Признавая православие ядром русской культуры, а исихазм – «ядром ядра», можно предположить, что исихастские идеалы не могли исчезнуть полностью. Скорей всего, они существовали и проявлялись в основном не столько в своей аутентичной форме (аскетическое служение подвижников того времени, перевод и распространение исихастских текстов), сколько в творчески-модифицированном варианте, в интересе литературы к монастырю, к иночеству, к аскетическому служению человека. Исходя из этого, становится понятной мысль игумена Иоанна, назвавшего «протагонистом» русского «Исихастского возрождения» XIX века наряду с Серафимом Саровским и Ф. М. Достоевского [8, с. 191].

В творчестве Ф. М. Достоевского нетрудно обнаружить одно из условий осуществления синергии в культуре, а именно диалогическое «сорботничество», сотрудничество противоположных идеалов: светских, профанных и религиозных, сакральных, связанных с традицией исихастского «умного делания». Тема монастыря, иночества в творчестве Достоевского была замечена и оценена многими. Уже по выходе первых частей романа «Братья Карамазовы» критики обратили внимание на его старцев. Действительно, тема русского старчества очень интересовала Федора Михайловича. Как известно, в его библиотеке были такие книги, как «Жизнеописание оптинского старца иеромонаха Леонида», «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни». Летом 1878 года в начале работы над романом «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевский вместе с В. С. Соловьевым ездил в Оптину пустынь, центр русской исихастской традиции, где два раза лично встречался со старцем Амвросием.

По-видимому, жизнь оптинских обитателей подтверждала идею Достоевского, что в русской истории монастырю еще предстоит сыграть важную роль, как это бывало в прошлые времена. Через пустынь писатель ощущал творческие силы православного иночества, с которым связывал заветные надежды на нравственное перерождение человека, на обновление и духовное единение России. Потому-то «подгородный монастырь», написанный с оптинской натуры, проникнутый ее духом, насыщенный ее реалиями, получил в «Карамазовых» особое значение. Именно «в нем зрели и им побуждались к росту семени новой, будущей жизни, из него выходит в мир –русский инок»... По замыслу писателя, он (*монастырь – Т. Б.*) – «ердцевина целого»... вокруг которой жизнь, карамазовский мир начинает строиться вверх, ко Христу» [5, с. 23].

Одним из главных героев романа является старец Зосима, прототипом которого обычно считают святителя Тихона Задонского или преподобного Амвросия Оптинского, но скорей всего, Зосима – собирательный образ, воплощающий в себе то лучшее, что, по мнению Достоевского, было в русском иночестве. Глава романа, названная «Из бесед и поучений старца Зосимы», похожа на нравственно-богословский трактат, написанный в близком к святоотеческому стилю. В уста старца Достоевский вложил свое учение о всеобъемлющей любви, напоминающее учение преподобного Исаака Сирина о «сердце милующем». Шестая книга романа, которая называется «Русский инок», практически вся состоит из аскетических текстов, из жития и поучений старца Зосимы.

С. С. Хоружий, рассматривая «Братьев Карамазовых» в призме исихастской антропологии, предложил интересную интерпретацию героев романа «на фоне лестницы», в их «отношении к стадиям процесса духовного самопреобразования» [6]. Особая роль в его исследовании, конечно же, принадлежит образу старца Зосимы, вопрос о принадлежности которого к исихастской традиции активно обсуждался в литературе о Достоевском, начиная с критики К. Н. Леонтьева, который не увидел в Зосиме следов исихаста, исполняющего «умное делание». Согласно Леонтьеву, поучения старца никак не связаны с исихастским методом и ступенями «лестницы», стиль этих поучений почти не напоминает аскетических текстов, нигде нет обращений к учителям и классикам исихазма, небольшой отрывок «О молитве...» не имеет никакого отношения к Иисусовой молитве.

Противоположная точка зрения была высказана В. В. Розановым, который указывал, что вся Россия прочитала роман «Братья Карамазовы» и поверила изображению старца Зосимы. Именно поэтому образ Зосимы стал оказывать реальное влияние на общество – на его отношение к монашеству, а также и на состояние самого монашества, в котором начал зарождаться новый тип иночества, ориентирующийся на образ и на заветы Зосимы.

С. С. Хоружий, придерживаясь линии «апологии Зосимы», дополняет сторону «за» несколькими штрихами. Прежде всего, отсутствие развернутых и пространственных рассуждений о методе и конкретных реалиях исихастской практики было типичной особенностью русского исихазма как такового. Существовали исключения в виде писания святых Нила Сорского и Феофана Затворника, но в эпоху Достоевского они были мало известны. Как пишет ученый, «слабое внимание» русского исихазма к вопросам метода и дисциплины еще не говорит о том, что русские подвижники пренебрегали этими аспектами традиции. Дело, скорее всего, в том, что выработка исихастского метода, его оттачивание были в основном завершены на Византийском этапе, и для русского исихазма, начиная уже с Московской эпохи, эти задачи не стояли на первом месте. Исихастская практика воспринималась как нечто само собой разумеющееся и не подлежащее обсуждению [Там же].

Кроме того, как совершенно справедливо отмечает Хоружий, в образе Зосимы ярко выражена идея покаяния, сближающая художественный мир Достоевского с миром исихастского подвига. Также ученый, опираясь на исследование К. В. Мочульского (К. В. Мочульский «Достоевский. Жизнь и творчество». Париж, 1947 г.), отмечает тот факт, что Достоевский почти нарочито сближал старца Зосиму и его монастырь со старцем Амвросием и Оптиной. Вид монастыря, его окрестностей, кельи, внешность старца, описание сцен его общения с народом – все напоминает Оптину и святого Амвросия «почти до буквальности»: «Все эти детали, бесспорно, не являются чисто внешними, в них демонстративно заявлена прямая ориентация всего мира –старцев» романа на оптинское старчество» [Там же].

Поэтому, хотя в «Братьях Карамазовых» и нет слова «исихазм», мы позволим себе сделать вывод, что роман является художественной интерпретацией православной аскетике, глубоко и верно отражая ее метафизический и этический смыслы. А отсутствие слова «исихазм» можно объяснить тем, что в русском дискурсе этот греческий термин появился не так давно, в нем не было особой необходимости, так как со времен Киевской Руси эту духовную традицию называли русским старчеством. Роман Ф. М. Достоевского в том числе – об этом.

Таким образом, роман «Братья Карамазовы» не просто пропитан исихастскими идеями, но, являясь произведением светским, представляет собой пример синергийного взаимодействия светской и религиозной культур. Данное взаимодействие проявилось не только в виде диалогического «сотрудничества» двух романских линий, связанных, с одной стороны, с жизнью городка и «семейки» Карамазовых, с другой стороны, с жизнью обители, но и в одной из излюбленных идей Достоевского – идее сближения «монастыря» и «мира». Старец Зосима, озвучивая эту объединяющую миссию монастыря, говорил, что русский монастырь искони был с народом. Но самое главное то, что старец внушал эти принципы как жизненную линию своему любимому ученику Алеше, который, также будучи включенным в исихастский мир, олицетворял единство старца и послушника.

В характеристике образа Алеши нет прямых указаний на его занятия исихастской практикой, но одно то, что он был любимым послушником мудрого старца, снимает многие вопросы, и нет сомнений, что Алеша был приобщен к исихастскому миру. Кроме того, на протяжении всего романа Алеша обнаруживает редкое духовное богатство, вплоть до «тайнозрения», схожего с прозорливостью старца. Вспомним, как он объявляет Ивану: «Не ты!» – говоря «как бы вне себя, как бы не своею волей, повинуюсь какому-то непреодолимому велению» [4, т. 15, с. 40]. Но главный дар его, конечно, – любовь, любовь-подвиг, любовь-жертва, его душа «рвалась к свету любви». Не переставал ему повторять старец: «...Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби, всех люби, все люби, ищи восторга и иступления сего» [Там же, т. 14, с. 292]. Через эту «всещелую и всемирную любовь» и происходило синергийное взаимодействие, объединяющее космическое и земное, вечное и временное, Бога и человека, взаимодействие, придающее роману оптимистическое звучание, без которого были бы невозможны открывающиеся обнадеживающие перспективы, освещенные светом синергийного стремления ввысь.

Служение инока в миру должен был представить будущий, ненаписанный роман Достоевского. Но заключение «Братьев Карамазовых» приоткрывает будущее, показывая прообраз этого служения. Алеша здесь выступает как старший наставник, «душепроводитель» (термин С. С. Хоружего) для кружка мальчиков. Зосима и его любимый послушник воплотили и осуществили одну из ведущих идей романа Ф. М. Достоевского – идею выхода «монастыря» в «мир» для служения миру на путях любви, просветленной опытом аскезы, а это непосредственное проявление синергийного эффекта, когда высшие исихастско-синергийные идеалы резонируют и отражаются в сферах, далеких от «монастыря».

Особенностью русского исихазма, начиная с самого раннего периода развития, было существование его в основном в рамках общежительного монашества, отшельничества, хотя и присутствовало, но играло меньшую роль, чем в Византии, Египте и Палестине. В сознании приверженцев традиции исихастский подвиг не мыслился как удел избранных. Усилия многих поколений аскетов привели к тому, что в XIX веке внутри традиции появилась насущная необходимость утвердить, раскрыть общечеловеческую сущность исихастской практики, транслировать идеи исихазма в мир, что как раз и проявилось в тенденции к сближению «монастыря» и «мира».

Можно согласиться с С. С. Хоружим, который высказал мысль, что мотив выхода аскетической традиции в мир и старчества, понятого как созидание «монастыря в миру», стал прочной связующей нитью между «Братьями Карамазовыми» и дальнейшими судьбами исихазма [6]. Действительно, история русского исихазма в последующие годы развивалась «по Достоевскому»: этап русского старчества XX века, связанный с деятельностью «старца в миру» отца Алексея Мечева, его сына отца Сергея Мечева, «катакомбными общинами исихастского духа» во время большевистских гонений во многом опирался на идею «монастыря в миру».

К православной аскетике Ф. М. Достоевский тяготел не только в «Братьях Карамазовых». Можно даже сказать, что все важнейшие темы его творчества: этического идеала; красоты, спасающей мир; жертвенности Христа; человеческой свободы – несут на себе отпечаток русской аскетической традиции. Это относится и к роману «Идиот», прежде всего к образу князя Мышкина, в котором наиболее заметна близость к типу аскета-исихаста. В эпизодах, описывающих князя в момент созерцания красоты, его состояние похоже на мистико-аскетическое переживание Божественного присутствия и синергийного единения с Ним. Мышкин испытывает «неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слияния с самым высшим синтезом жизни» [4, т. 8, с. 188]. Возникший здесь мотив молитвы, восходящей, возможно, к Иисусовой молитве, не случаен – он получил дальнейшее развитие. Князь Мышкин воспринимает открывающееся ему бесконечное и цельное бытие как «красоту и молитву», и в этот миг его «ум, сердце озарялись необыкновенным светом» [Там же], что уже прямо может ассоциироваться с венчающим синергийное взаимодействие человеческих и Божественных энергий созерцанием нетварного Фаворского света. Есть в романе и другие эпизоды, где герой находится в состояниях, близких к экстазам «умного делания». Т.е. можно сказать, что в своих романах Ф. М. Достоевский вводит в круг таких близких сознанию православного аскета эсхатологических предчувствий и философских вопросов, которые в итоге приобретают доминирующее значение в структуре его произведений.

Исходя из всего сказанного, позволим себе сделать вывод, что феномен синергии, проявляющийся в наличии согласованного, диалогического взаимодействия светских и исихастско-православных идеалов, в стремлении героев к высшим горним идеалам, в выходе исихастско-синергийной традиции за пределы «монастыря» в «мир», действительно присутствует в творчестве Ф. М. Достоевского. А «золото» русской

культуры XIX века определяется не только высочайшим художественным уровнем литературных, музыкальных, живописных произведений, но и тем, что на них, благодаря синергичному эффекту, лежит отблеск исихастского света, указывающего путь к «золотым» вершинам. При таком прочтении понятие синергии расширяется, из чисто православного, мистико-аскетического, превращаясь в символ единства всей русской культуры XIX века, согретой исихастским светом высокой духовности, нравственности и величия человека.

Список литературы

1. Берсенева Т. П. Исихастско-синергичное ядро русской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35). С. 16-19.
2. Берсенева Т. П. Синергия в древнерусской иконописи // Вестник Забайкальского государственного университета. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2013. № 10 (101). С. 95-101.
3. Берсенева Т. П. Феномен синергии: опыт культурфилософского анализа. Омск: Изд-во СибГУФК, 2013. 136 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Наука, 1972-1996.
5. Котельников В. А. Оптина пустынь и русская литература // Русская литература. 1989. № 3. С. 3-32.
6. Хоружий С. С. «Братья Карамазовы» в призме исихастской антропологии [Электронный ресурс]. URL: http://synergia-isa.ru/?page_id=4301 (дата обращения: 01.11.2013).
7. Хоружий С. С. Исихазм в Византии и России: исторические связи, антропологические проблемы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xpa-spb.ru/libr/Horuzhij/isihazm.html> (дата обращения: 01.11.2013).
8. Экономцев И. Н. Православие. Византия. Россия. М.: Христианская литература, 1992. 233 с.

PHENOMENON OF SYNERGY IN F. M. DOSTOEVSKY'S CREATIVE WORK

Berseneva Tat'yana Pavlovna, Ph. D. in Philosophy
Siberian State University of Physical Education and Sport, Omsk
taniabers@list.ru

The article suggests the definition of synergy as a joint action, the interaction of different potencies or energies, having general orientation to the ideal, with the simultaneous achievement of synergetic effect. Since the spread of synergetic ideals in the Russian culture is not notable for stability and consistency, then three periods of the most striking manifestations of synergy are singled out. The author advances the idea that one of these periods was related to the XIXth century of the Russian culture. Synergetic ideals found their fullest expression in the creative work of F. M. Dostoyevsky.

Key words and phrases: synergy; Hesychasm; Russian culture; synergetic interaction; synergetic effect; F. M. Dostoyevsky.

УДК 94(100)"1914/19"

Исторические науки и археология

В статье анализируется реакция русской печати на убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево 28 июня 1914 г. Сараевская трагедия привлекла еще большее внимание русского общества к Балканам, внутренней и внешней политике Сербии и Австро-Венгрии. В условиях нового австро-сербского конфликта ведущие русские издания занимали последовательно просербскую позицию и жестко критиковали «венских шовинистов» за нескрываемое желание «разобраться» с южным соседом. Вместе с тем, русская печать недооценила как решимость Вены, так и роль Германии в развязывании европейской войны.

Ключевые слова и фразы: Австро-Венгрия; Германия; Первая мировая война; Российская империя; русская печать; сараевское убийство; Сербия; Франц-Фердинанд.

Богомолов Игорь Константинович

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
boga_igor@mail.ru

**САРАЕВСКОЕ ПОКУШЕНИЕ 28 ИЮНЯ 1914 Г.
И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ В ОСВЕЩЕНИИ РУССКОЙ ПЕЧАТИ[©]**

28 июня 1914 г. (по новому стилю) сербский студент Г. Принцип расстрелял в Сараево наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда. Дерзкое покушение произвело в Европе эффект разорвавшейся бомбы, новости из Сараево не сходили с первых полос крупнейших европейских изданий. Наиболее резкую и однозначную реакцию трагедия вызвала в официозных изданиях Австро-Венгрии и Германии, которые прямо обвиняли сербское правительство в пособничестве террористам. Австрийская и немецкая печать открыто призывала «покончить» с Сербией как с главной угрозой Габсбургской империи. Печать стран Антанты, в свою очередь, не отвечала на эти выпады, а на первых порах даже признавала за Сербией часть вины за «роковые выстрелы». Не были исключением и крупнейшие русские издания, занимавшие последовательно просербскую позицию.